

У второго пострадавшего травмы тоже оказались относительно легкими. Как и у первого — открытый перелом малоберцовой и большеберцовой костей, только на левой ноге. Быстро проведя те же манипуляции и наложив шину, Котон устроил его рядом.

С третьим пострадавшим пришлось повозиться дольше, хотя ситуация оставалась под контролем. Из плеча — примерно в верхней трети — торчал железный штырь. Сменив ракурс, Котон увидел, как окрашенный кровью металл пробил кожу насквозь. Обильного кровотечения не было, а значит, артерию не задело. Котон попросил мужчину пошевелить пальцами. Тот, стиснув зубы от боли, послушно выполнил просьбу. Котон облегченно вздохнул: нервы целы.

И все же его требовалось как можно скорее освободить. Мужчина застрял в неестественной, крайне неудобной позе. Силы раненого таяли с каждым глотком теряемой крови, и неизвестно, сколько он еще мог продержаться. Стоило ему обмякнуть или дернуться от истощения, как штырь сместился бы, разрывая ткани плеча. Тщательно осмотрев конструкцию, Котон пошел по следу застрявшей детали. Прут казался намертво зажатым в грудe мусора, но на деле крепился к соседней железной балке всего одним болтом. Открути его — и штырь можно вытащить. Оставшуюся часть спасатели без труда срежут гидравлическими инструментами, когда приедут.

Заметив, что Бак закончил осматривать столпившихся зевак, Котон поспешил окликнуть его:

— Бак, найди мне гаечный ключ!

Пока напарник искал инструмент, Котон плотно обмотал плечо пострадавшего и торчащий штырь бинтами. Это зафиксирует металл и не даст ему сместиться, когда они начнут откручивать болт, иначе рваных ран не избежать.

Отозвавшись, Бак принялся копать в ящике с инструментами, который предусмотрительно прихватил с собой. Выудив гаечный ключ, он подошел ближе, но протягивать его не стал. Вместо этого он деловито спросил, что конкретно нужно делать.

Котон на секунду растерялся, но быстро указал на злополучный крепеж:

— Открути вон тот болт. И постарайся не шатать штырь.

Бак оценил обстановку, выбрал удобный угол и жестом велел Котону покрепче зажать прут. Одно резкое, уверенное движение — и болт, казавшийся монолитным, поддался. Действуя слаженно, они сантиметр за сантиметром вытащили железяку из раны. После этого осторожно перевели раненого на свободный пяточок земли, уложили на бок и строго-настрого велели не засыпать:

— Не закрывай глаза, слышишь? Будет хуже — сразу зови.

Они перешли к последнему пострадавшему. Осмотрев завал, Бак хмуро покачал головой:

— С нашими инструментами его не вытащить, — признал он, указав на искореженное месиво рекламной конструкции. — Да и пока мы освобождали остальных троих, груды металла зашаталась. Одно неверное движение — и все обрушится. Мне нужно срочно соорудить какие-нибудь подпорки под основание, а ты пока займись его ранами.

Котон молча кивнул. В тонкостях спасательных работ он не разбирался, поэтому беспрекословно доверился профессионалу. Раз Бак говорит, что завал может рухнуть, значит, дело дрянь.

Он опустился на колено рядом с пострадавшим и пригляделся.

Картина вырисовывалась паршивая. Мало того что конструкция висела на волоске, так еще и травмы мужчины внушали серьезные опасения. Рухнувший рекламный щит представлял собой массивный световой короб, заключенный в раму из тонкой арматуры. При падении хрупкий пластик разбился, а металлические прутья погнулись и переплелись, превратившись в подобие колючей паутины, намертво зажавшей человека в своих тисках.

Полбеда, если бы его просто зажало в этой ловушке. Но несколько деформированных прутьев вонзились глубоко в тело раненого, а в разорванной плоти поблескивали острые осколки жесткого пластика от разбитого короба.

В момент обрушения мужчина, похоже, даже не успел среагировать — удар накрыл его целиком. Из-за нагромождения искореженного лома подобраться к нему было почти невозможно. Котону пришлось неестественно изогнуться, чтобы дотянуться пальцами до сонной артерии. Пульс прощупывался с трудом, но ритм пока сохранялся. Котон мысленно сосчитал удары: сердце колотилось как бешеное. Внешних крупных ран не было, а значит, дело в массивном внутреннем кровотечении. Организм уже запустил компенсаторные механизмы, заставляя сердце качать последние крохи крови в аварийном режиме. Если срочно не вмешаться, начнется фибрилляция, и запустить мотор заново уже не удастся.

Котон легонько похлопал бедолагу по плечу и позвал как можно громче:

— Сэр! Вы меня слышите? Сэр!

Мужчина с трудом разомкнул веки и едва заметно кивнул.

— Держитесь, сэр, не закрывайте глаза, — взмолился Котон. — Мы вас вытащим. Попробуйте пошевелить пальцами ног. Получается?

Мужчина замер, делая видимое движение, а затем едва заметно качнул головой. Ноги не слушались. Он вообще их не чувствовал, словно в один миг его тело сократилось до одной

головы, а все, что ниже шеи, превратилось в мертвую пустоту.

По лицу раненого поползла тень паники, сменившаяся глухим, липким страхом. Котон тут же поспешил его успокоить:

— Спокойно, сэр, не паникуйте. Ваше тело на месте, просто организм включил режим самозащиты и впал в шоковое состояние. В больнице врачи быстро все исправят. Сейчас главное — расслабьтесь, дышите ровно и ни в коем случае не засыпайте. Разговаривайте со мной, хорошо?

Котон подозвал топтавшегося неподалеку управляющего супермаркетом и тихо, но твердо приказал раздобыть льда и обернуть его полотенцем. Сам он тем временем потянулся за катетером. Из-за острой кровопотери вены раненого спались, превратившись в едва заметные ниточки, а из-за тесноты и неудобной позы Котону пришлось попотеть — игла вошла правильно лишь со второй попытки. Именно поэтому он не тратил драгоценный физраствор на первых трех пострадавших: запасы в походной аптечке были не бесконечны, и их следовало беречь для того, кто балансировал на грани жизни и смерти.

Поймав испуганный взгляд одной из кассирш, Котон подозвал ее и, проигнорировав дрожь в ее пальцах, велел крепко сжимать инфузионный пакет, чтобы пустить жидкость струйно. О возможных осложнениях такой спешки он не думал. Побочные эффекты — забота тех, кто выживет. Сейчас важнее было просто не дать сердцу остановиться.

Обыватель мог бы поспорить: какой смысл лить жидкость в сосудистое русло при внутреннем кровотечении? Ведь физраствор точно так же вытечет наружу, лишь увеличив давление и подстегнув кровопотерю. На деле же человеческий организм устроен куда тоньше. При резком падении давления мелкие капилляры спазмируются и закрываются. Даже если сейчас влить в вену литр раствора, они откроются далеко не сразу — этот люфт во времени и дает шанс на спасение. Но главное — без немедленного восполнения объема циркулирующей крови уставший мотор просто не справится. Сердце разовьет безумный ритм, попытается гонять жалкие капли по опустевшим артериям, и остановится от перегрузки.

Котон аккуратно разорвал пропитанную кровью рубашку мужчины:

— Как ваше имя, сэр?

— Глайд... — едва слышно прошелестел раненый.

— Красивое имя. Что вы планировали купить в супермаркете, Глайд? — Котон принялся тщательно осматривать раны. Из тела мужчины торчали три металлических прута. Один вошел в районе правого подреберья, два других — ниже, в брюшную полость. Первый, судя по всему, прошил печень. Брюшные же наверняка разорвали кишечник. Котон помрачнел: если это так, то тяжелейшего перитонита не избежать.

Мужчина сделал над собой видимое усилие, цепляясь за ускользающее сознание:

— Подарок... сыну... У него скоро день рождения. Обещал... что принесу.

Заметив, как при упоминании о сыне взгляд раненого на мгновение прояснился, Котон поспешил развить тему:

— Вот как? И какой же подарок вы выбрали? Сколько ему исполняется?

Пока Глайд пытался подобрать слова, Котон принял у подбежавшего управляющего обернутый полотенцем лед и аккуратно обложил им спину и бока мужчины. Утешая раненого версией о шокovém онемении, сам он прекрасно понимал: колоссальная сила удара могла легко повредить позвоночник. Спинной мозг — хрупкий ствол, управляющий всеми нервными импульсами, и малейший надрыв лишает человека чувствительности ниже точки травмы. Холод должен был замедлить отек мягких тканей и спинномозгового канала. Сейчас это было единственным способом выиграть время.

— Семь лет... — Глайд попытался горько усмехнуться, но губы его едва дрогнули. — Раньше я только и делал, что работал. Пропустил каждый его день рождения. В этот раз специально выпросил отгул, так хотел побыть с ним... А вышло вон как. Лучше бы на смену пошел.

— Не говорите глупостей, — мягко, но уверенно оборвал его Котон. — Пусть подарок вы сегодня не купили, но вы доказали ему свою любовь самым главным — делом. Детский мир устроен просто. Мальчику плевать, сколько стоит игрушка. Ему важно знать только одно: в его самый главный день папа отложил все дела и был рядом.

— Правда? — еле слышно прошептал Глайд. — Что-то я устал... Спать хочу, сил нет...

Котон резко изменился в лице. Он принялся настойчиво тормошить раненого:

— Эй, очнись! Слышишь меня? Не смей засыпать!

Пальцы на сонной артерии зафиксировали пугающую картину: пульс превратился в безумную, едва уловимую чечетку. Котон уже готов был рискнуть всем и начать самостоятельно вытаскивать мужчину из-под завала, как вдруг снаружи донесся оглушительный визг тормозов и тяжелый рокот дизельных двигателей. На душе мгновенно отлегло. Наконец-то приехали!

Вскинув голову, Котон увидел парней в тяжелой пожарной экипировке, которые бежали к завалу со спасательным снаряжением. Он поспешил навстречу, преграждая им путь и быстро вводя в курс дела:

— Сюда! Здесь тяжелый! У раненого травматический шок, в теле три металлических штыря. Когда станете срезать конструкцию, будьте предельно аккуратны. Избегайте любой тряски и

вибрации, иначе разорвете органы окончательно.

Старший смены коротко кивнул, давая понять, что задача ясна. Котон послушно отступил на пару шагов назад, стараясь не мешать спасателям и не красть у них драгоценные секунды.

<http://bllate.org/book/19391/1960186>